

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Проблемы соотношения национального уголовного права с международным уголовным правом

Е.О. АЛАУХАНОВ – заведующий кафедрой судебной власти и уголовного процесса Казахского национального университета им. Аль-Фараби, член научно-консультативного совета Верховного Суда Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор

С проблемой имплементации норм международного права сталкивается каждое государство. Признаваемый любым правовым государством приоритет международного права над национальным иногда приводит к неоправданной формализации положений отдельных нормативных актов страны, что не всегда отвечает внутренним интересам последней. В статье рассматриваются вопросы преодоления избыточности унифицирования уголовного законодательства Республики Казахстан, проводимого на основе положений международного уголовного права, а также анализируется опыт решения данной проблемы отдельными государствами-представителями романо-германской и англо-саксонской правовых систем.

К л ю ч е в ы е с л о в а : международное уголовное право; национальная уголовно-правовая система; сближение уголовно-правовых систем; романо-германская и англо-саксонская системы права; имплементация; унификация.

Современный Казахстан является активным участником международных отношений, членом различных региональных объединений (ШОС, ОДКБ, СНГ и др.). В мире развиваются противоречивые социально-экономические и политические процессы. Идет интеграция государств (наиболее ярко проявившаяся в развитии стран бывшего Советского Союза). На данный момент существует множество угроз существованию человечества (терроризм, экстремизм и т.п.), одна из которых – транснациональная преступность. Естественно, все это не может не затронуть национальные уголовно-правовые системы, в том числе и национальную правовую систему Казахстана.

В сложившихся обстоятельствах четко обозначилась весьма серьезная проблема соотношения национального уголовного права с международным уголовным правом в условиях сближения разных правовых систем современности.

В юридической литературе имеет место целый спектр воззрений относительно соотношения национального и международного уголовного права: от готовности к разрушению национальной правовой (в том числе уголовно-правовой) идентичности в целях «соответствия общемировым стандартам и ценностям» до про-

явления определенно ксенофобных настроений, в основе которых лежат известные идеи об «особенностях» казахского пути развития. Для начала представляется целесообразным обратиться внимание на то, как процесс универсализации отражается на национальном уголовном праве «сильных государств», чья способность отстаивать собственные интересы не вызывает сомнений (для примера достаточно вспомнить историю с подписанием США и рядом других стран Римского статуса Международного уголовного суда).

Необходимо отметить, что сегодня границы между основными категориями и институтами уголовного права в государствах романо-германской и англосаксонской систем в определенной степени размыты. При известной терминологической разнице содержание ключевых понятий отражает во многом схожий подход к задачам уголовно-правовой охраны и регулирования.

Тенденция сближения уголовно-правовых систем обнаруживается в признании результатов законотворческой и правоприменительной деятельности источниками внутреннего уголовного права различных государств. Как известно, статутное право отличается высокой степенью

абстрактности, стабильно во времени и в меньшей мере подвержено сиюминутным изменениям. С другой стороны, оно не всегда успевает за жизненными реалиями в отличие от гибкого прецедентного права. Обеспечить сбалансированность источниковой базы уголовного права и в итоге его эффективность призван процесс признания статута формальным источником права в странах англосаксонской системы, а судебного прецедента – в странах романо-германской системы.

Общеизвестно, что Великобритания начиная со второй половины XX в. приняла немалое количество законодательных актов уголовно-правового характера. В США после издания примерного Уголовного кодекса 1962 г. вступил в силу титул 18 Свода федеральных законов («Преступления»), во многих штатах имеются собственные уголовные кодексы (Нью-Йорк, Пенсильвания и пр.). С другой стороны, появление составляющих прецедентного права в романо-германской системе обусловлено тем, что правовое (в том числе уголовно-правовое) регулирование зачастую ограничивается общей отсылкой или рамочными нормами. Судебная практика (в понимании ее как отправления правосудия) в странах романо-германского права развивается по пути признания фактической обязательности толкования уголовного закона, содержащегося в решениях высших судов общей юрисдикции. По мнению ряда исследователей, ситуация, при которой судебный прецедент формально не признается, а фактически существует и применяется, «является довольно типичной для стран романо-германского права»¹.

Показательно, что и в казахской правовой науке в последнее время также активно обсуждается вопрос о необходимости признания судебных решений прецедентного характера «толкующим» источником уголовного права, обеспечивающим единообразие и эффективность применения УК РК².

Ярким примером сближения уголовно-правовых систем становится взаимное заимствование юридических понятий, категорий и институтов. В частности, в некоторых государствах романо-германской системы (Франция, Нидерланды, государства Скандинавии) и в Китае введен институт уголовной ответственности юридических лиц, хорошо известный англо-саксонскому уголовному праву. Появление уголовной ответственности юридических лиц в известной мере не соответствовало изначально пониманию нерушимого принципа личной ответственности, характерного для романо-германского уголовного права, однако стало одним из наиболее эффективных средств противодействия экономической преступности.

Как известно, традиционные задачи национального уголовного права в настоящее время достигаются не только классической реакцией государства по схеме «преступление – наказа-

ние». Криминологически доказана необходимость многовариантного правового подхода к борьбе с преступностью. Следствием этого стало параллельное появление в странах англосаксонской и континентальной систем права новых способов разрешения уголовно-правового конфликта (сделки о признании вины, пробация, медиация, трансакция и пр.³). Применение дифференцированного подхода в решении задач уголовного законодательства Казахстана выражено в развитии институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания. Таким образом, одним из результатов сближения уголовно-правовых систем является все большая однотипность национальных уголовных политик развитых государств.

Наиболее впечатляющий пример формирования национального уголовного права в ходе универсализации уголовно-правовых систем является собой Япония. Особенность развития Японии вплоть до XIX в. состояла в ее изолированности от правового влияния западных культур, однако современное уголовное право этой страны представляет собой сочетание систем континентального и общего права. Уголовный кодекс Японии является моделью романо-германской системы права, специальные же уголовные законы есть «в основном выразители преимущественно англосаксонского влияния»⁴. Универсализация различных уголовно-правовых систем позволяет более эффективно реагировать на преступность в национальном и международном масштабах, обеспечивая, по существу, систему коллективной (национальной) безопасности. Соответственно сближение различных уголовно-правовых систем объективно способствует решению задач уголовного права на национальном уровне.

Другой очевидной предпосылкой универсализации уголовно-правовых систем стала задача охраны общечеловеческих ценностей и поддержания международного правопорядка. Решающая роль в этом процессе принадлежит международному праву. В странах континентального права обычным юридическим правилом считается включение во внутреннюю правовую систему вступивших для этих государств в силу международных договоров и обязательств. Например, ст. 25 Конституции ФРГ устанавливает, что «общепризнанные нормы международного права являются составной частью федерального права», также «они имеют преимущество перед законами и порождают права и обязанности непосредственно для лиц, проживающих на территории Федерации». Подобные предписания содержатся в ст. 96 Конституции Испании, в ст. 55 Конституции Франции и т.д.

Национальное уголовное право государств романо-германской правовой системы основано на принципах и нормах международного права, обладающих юридическим приоритетом над правом внутренним. Например, концептуальной идеей нового французского уголовного зако-

нодательства является реализация принципа примата международного права⁵. Несмотря на отсутствие прямого указания на преимущество международной нормы перед нормой национальной права, этот принцип последовательно реализуется в Особенной части.

Законодательство стран общего права также признает включение норм международного права в национальную правовую систему. Например, согласно разд. 2 ст. 6 Конституции США «договоры, которые заключены или будут заключены США, являются верховным правом страны».

В настоящее время под влиянием международного права в уголовное законодательство стран различных правовых систем вводятся положения о таких преступлениях международного характера, каковыми являются международный терроризм, легализация доходов от преступной деятельности, транснациональный оборот наркотических средств и пр.

Универсализация уголовно-правовых систем современности в большей мере касается государств романо-германского и общего права (недаром в литературе говорится о возможности создания в перспективе «единой системы западного права»). Однако этот процесс означает взаимообогащение национальных уголовно-правовых систем, а никак не их абсолютную унификацию. Он соответствует национальным интересам, поскольку уголовно-правовые системы различных государств воспринимают наиболее эффективные средства решения своих собственных задач, выработанные в иностранном и (или) международном уголовном праве.

В связи с этим надо остановиться на двух позициях, высказанных в литературе: о необходимости форсированного создания «глобального уголовного законодательства» и об «антиглобалистском» развитии отечественного уголовного права.

Полагаем, что «глобальное уголовное право» не может соответствовать национальным интересам государства по той причине, что о самостоятельности последнего говорить уже не придется. К тому же на настоящий момент абсолютно неизвестно, кто будет автором и субъектом применения глобального уголовного законодательства. Вызывает недоумение утверждение о том, что уже «сегодня следует констатировать завершение эпохи „международного права“ и начало этапа ускоренного создания глобального государства, когда развитие нормативных основ деятельности мирового сообщества по борьбе с преступностью протекает в направлении от международного уголовного права к глобальному законодательству»⁶.

С другой стороны, нельзя оставить без внимания другую крайность – тенденциозные утверждения о только резко негативном влиянии международного уголовного права на национальную уголовно-правовую систему, об одно-

значном ущемлении государственных интересов в международном праве, о том, что антиглобализм сам по себе должен стать неотъемлемой составляющей правосознания юриста той или иной страны.

Вряд ли целесообразно столь однозначно признавать необходимость правового изоляционизма, который приведет к автаркии национальной правовой системы. Нет ничего страшного и постыдного в самом факте имплементации норм международного уголовного права или заимствования эффективно действующих институтов уголовного права зарубежных стран. Ключевым фактором в этих процессах должно стать безусловное соблюдение государственных интересов, включающее реализацию задач национальной уголовной политики. Это утверждение адресовано в первую очередь власти: сомнительный международный договор уголовно-правового характера не должен быть заключен либо должен быть расторгнут. Как представляется, именно в этом заключается наибольшая сложность при решении вопросов значимости унификации уголовно-правовых систем для казахского уголовного права (впрочем, и для любого другого тоже). Выводы должны быть каждый раз взвешенными и основываться на четком понимании того, что именно в разрешении обозначенного вопроса состоит одна из главных задач науки отечественного уголовного права, которая сохранит свою важность в обозримом будущем.

С другой стороны, никто не отменял конституционное правило приоритета международного права, и имеющиеся международные соглашения уголовно-правового характера надо выполнять. Именно поэтому мы, учитывая высказанную критику, убеждены в необходимости законодательного закрепления в УК РК положения о приоритете общепризнанных принципов и норм международного права в сфере определения преступности и наказуемости деяния.

Универсализация уголовно-правовых систем современности создает своеобразную матрицу для дальнейшего прогрессивного развития национального уголовного права. Поэтому нельзя не признать, что взаимодействие различных систем и развитие международного уголовного права обладают значительным позитивным потенциалом в деле защиты жизненно важных интересов уголовно-правовой охраны как на национальном, так и на международном уровнях.

Учитывая, что правовой экстремизм не имеет значимого положительного начала, а истина всегда лежит посередине, государственная власть Казахстана должна участвовать в формировании международного уголовного права, выполнять принятые на себя обязательства международно-правового характера либо выходить из таких соглашений при невозможности соблюсти национальные интересы, а также не бояться заимствовать наиболее эффективные уголовно-правовые институты зарубежного права.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бернам У. Правовая система США. М., 2006. С. 858.

² См.: Юридическая природа нормативных постановлений Верховного Суда Республики Казахстан и их роль в эффективности отправления правосудия: Сб. материалов междунар. практ. конф. (Алматы, 12 мая 2009 г.). Астана, 2009. С. 300.

³ См.: Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002.

⁴ См.: Иншаков С.М. Зарубежная криминология: Учеб. пособие для вузов. М., 2003. С. 273–293.

⁵ См.: Там же. С. 201.

⁶ Ведерникова О.Н. Российское уголовное право: традиции и современность. СПб., 2005. С. 212.

Некоторые аспекты реформирования пенитенциарной системы Украины

Н.Г. КАЛАШНИК – заместитель председателя Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний

В статье освещаются состояние и проблемы уголовно-исполнительной политики, опыт применения уголовных наказаний и организация деятельности пенитенциарных учреждений Украины. Рассматриваются вопросы эффективности функционирования национальной уголовно-исполнительной системы в современных условиях, а также мероприятия по ее реформированию.

Ключевые слова: государственная криминально-исполнительная служба; криминально-исполнительная инспекция; закрытые учреждения; исправительные центры; следственные изоляторы; осужденные.

По данным общественных организаций и СМИ, сегодня около 9 млн граждан Украины имеют личный тюремный опыт: отбывали наказание или длительное время были под следствием (в среднем до 18 мес.). Этот факт и его последствия заметно влияют на ход социально-экономических реформ в нашем государстве, а в ряде случаев ставят их под угрозу.

Государственная криминально-исполнительная служба Украины (ГКИСУ) насчитывает 184 закрытых учреждения и 703 участка криминально-исполнительной инспекции (КИИ), курирующие исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества. В целом на попечении ГКИСУ одновременно находится почти 300 тыс. чел.: 35–37 тыс. – в следственных изоляторах (СИЗО); 105–107 тыс. – в закрытых учреждениях; 5–7 тыс. этапированы к местам назначения; почти 150 тыс. подучетны КИИ.

Около 80% из тех, кто попал за решетку, имеют те или иные акцентуации характера, то есть их поведение может быть непредсказуемым и неконтролируемым. 90% не владеют ни одной рабочей профессией или потеряли профессиональные умения и навыки в результате длительного нетрудоустройства. В среднем 65–70% осужденных фактически являются нетрудоустроенными.

Альтернативное наказание, в ходе исполнения которого осуществляется благоустройство

городов, дорог, поселков, отдельных районов и объектов культурно-экономической деятельности, позволит при минимальных затратах из местных бюджетов выполнить большие объемы хозяйственных работ. Только в 2009 г. при минимальном использовании потенциала КИИ в государственном бюджете Украины было перечислено 10 млн гривн за участие осужденных в ликвидации последствий стихийного бедствия, расчистку старых устьев малых рек для возобновления естественной дренажной системы украинских земель, уборку улиц, парков, кладбищ и т.д.

Двадцать лет назад, реформируя систему исполнения наказаний в своих государствах, страны Восточной Европы пошли путем сокращения закрытых учреждений и превращения их в исправительные центры. Наиболее прибыльными направлениями деятельности предприятий исправительных центров стали сбор и переработка мусора, изготовление резиновой обуви, фасовка стиральных порошков, животноводство, дубление кожи животных, сельскохозяйственные, авторемонтные работы, ремонт и обслуживание дорог и т.п. Данные нововведения были поддержаны спецпроектами (грантами) Совета Европы. Например, в свое время Венгрии было предоставлено 48 донаоров-предпринимателей из Испании, Польше – 41 из Германии и Великобритании.